

Ольга Розенблюм

«Плохими методами не построишь хорошее общество»

ДИСКУССИИ О (НЕ)НАСИЛИИ, ПОЛИТИКЕ
И БЕСОВЩИНЕ В МОСКОВСКИХ ДИССИДЕНТСКИХ
КРУГАХ 1960—1970-х ГОДОВ

Olga Rosenblum

“A Good Society Cannot be Built with Bad Methods”:

Discussions on (Non)Violence, Politics, and Devildom in Moscow Dissident Circles of the 1960s and 1970s

Ольга Розенблюм (научный сотрудник Центра литературных и культурных исследований Ассоциации Лейбница, Берлин; кандидат филологических наук) rosenblum@zfl-berlin.org.

Olga Rosenblum (PhD; Research Fellow, Leibniz-Zentrum für Literatur- und Kulturforschung, Berlin) rosenblum@zfl-berlin.org.

Ключевые слова: диссиденты, насилие, бесовщина, политика, общественность, кружки, Литвинов, Кормер, Инициативная группа по защите прав человека в СССР

Key words: dissidents, violence, devildom, politics, community, circles, Litvinov, Kormer, Initiative Group for the Defense of Human Rights in the USSR

УДК: 821.161.1+304.9

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_285

UDC: 821.161.1+304.9

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_285

В статье на материале интервью с Павлом Литвиновым и романа Владимира Кормера «Наследство» исследуются дискуссии в кругах московских диссидентов 1966—1976 годов, связанные с темами недопустимости насилия по отношению к представителям стороны насилия (государства) и недопустимости насилия над борющимися с насилием (партийной дисциплины). Рассматриваются декларации и попытки создания неиерархически устроенных объединений, а также критика этих проектов, характеризующая их как бесовский соблазн и сопоставляющая их с нечаевщиной. Эволюция проектов этих объединений и отношения к политической деятельности (отказ от политики) рассматривается в статье как реакция на эту критику.

Based on an interview with Pavel Litvinov and on Vladimir Kormer's novel *Inheritance*, this article examines discussions in Moscow dissident circles in 1966—1976 on the themes of the impropriety of violence against representatives of the violent party (the state) and the impropriety of violence against those who fight violence (party discipline). Declarations and attempts to create non-hierarchical associations are examined, as are criticisms of these projects, which were characterized as evil temptations and compared to Nechayevism. The article examines the development of the projects of these associations and their attitude to political activity (turning away from politics) as a reaction to this criticism.

Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, сектантство и бесовщину.

Андрей Сахаров. 31 декабря 1973 года, Москва¹

Исследователи московского диссидентского движения 1960—1980-х годов и прежде всего ставившие своей целью объяснить описываемый ими феномен

1 Сахаров А. О себе // Сахаров А. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Советский писатель. С. 13.

западному читателю, знакомому с другими формами протеста², обычно описывают его через противопоставление морального (нравственного) и политического протестов.

Главное все же заключается не в том, чтобы решить, считать ли борьбу диссидентов политической, как склонен думать Запад, или этической, как утверждают они сами. Важно понять, почему диссиденты отвергают термин «политика» [Вессье 2015: 363], —

пишет Сесиль Вессье, и первый же пример среди приведенных ею далее действительно содержит резкий контраст между декларацией и практикой³. Политика, пишет Вессье, характеризовалась диссидентами как «грязное дело» [Там же: 365], как «деятельность государства или же тех, кто стремится завладеть государством, иначе говоря, кто хочет стать государством» [Там же]. Она приводит и примеры обратных деклараций — как в 1969 году Андрей Амальрик полагал, что диссидентов можно рассматривать «как зародыш политической оппозиции» [Там же: 366], как в 1991 году Юрий Орлов говорил, что борьба за права человека в тоталитарном обществе всегда носит политический характер, поскольку нацелена на изменение режима, а Лариса Богораз, выступая на том же семинаре, настаивала на том, что деятельность диссидентов не была политической, поскольку они не боролись за власть (см.: [Там же: 369]). Филипп Буббайер, бравший интервью у диссидентов почти одновременно с Сесиль Вессье, также в 1990-е годы, в книге «Совесть, диссидентство и реформы в Советской России» приводит примеры, когда они говорили о своей деятельности как о моральном сопротивлении, в котором важно было преодоление собственных иллюзий и страхов (Павел Литвинов, Андрей Синявский, Александр Гинзбург) [Буббайер 2010: 126].

В этой статье мы рассмотрим несколько дискуссий в кругу московских диссидентов о понятиях, релевантных как для морали, так и для политики, — «насилие» и «ненасилие»; рассмотрим, в каких именно контекстах проблематизировалось насилие, как отказ от насилия был связан для диссидентов с отказом от политической деятельности и какого рода — неполитические — объединения в связи с этим рассматривались и казались возможными. В центре внимания в статье — полемика с Виктором Красиным⁴, спор с которым и поведение кото-

-
- 2 См., например: [Opposition als Lebensform 2013]. Другие формы протеста исследователи обнаруживали и в СССР: [Власть и оппозиция 1995; Кулевиц 2009; Роговин 1993].
 - 3 Декларацией, отмеченной Сесиль Вессье, было высказывание Эдуарда Кузнецова о том, что он и те, кто вместе с ним пытались угнать самолет, руководствовались не политическими, а духовно-нравственными идеями [Вессье 2015: 364]], тогда как план угона самолета предполагал, что летчиков свяжут, но по возможности бить не будут (в запасе тем не менее был на всякий случай изготовленный кастет, об этом см.: Кузнецов Э. Дневники. Париж: Les Éditeurs Réunis, 1973. С. 112).
 - 4 Виктор Красин (1929—2017) — бывший заключенный сталинских лагерей, сотрудник ЦЭМИ, один из создателей (вместе с Петром Якиром) в 1969 году Инициативной группы по защите прав человека в СССР, сам момент и способ создания которой спровоцировал рефлексию на темы партийности, лидерства, «бесовщины», «кружковщины», «политики»; после ареста в 1972 году Красин и Якир дали обширные показания, признали вину и от имени раскаявшихся руководителей движения за права человека выступили на пресс-конференции 5 сентября 1973 года; после досрочного освобождения Красин описал эти события в книге «Суд», опубликованной в издательстве Валерия Чалидзе, с которым тесно сотрудничал Павел Литвинов (Красин В. Суд. Нью-Йорк: Chaldize Publications, 1983).

рого определили две ключевые темы тех дискуссий — темы насилия над представителем стороны насилия, которой (которому) и нужно противостоять, и насилия над борющимися с насилием, (не)допустимого при этой борьбе.

Статья строится на двух основных источниках, в разные годы и в разных жанрах описывающих кружки 1966—1967 годов и рефлектирующих понятия «политика» и «насилие»: на интервью с Павлом Литвиновым, с 1966 года активно общавшимся с Виктором Красиным⁵, и на описывающем круг Красина, сопоставляющем его с «Бесами» Достоевского в романе Владимира Кормера «Наследство», начатом в 1967 году, то есть синхронно происходящим дискуссиям, и завершённом в 1975 году⁶, после кризиса 1972—1973 годов, связанного с делом Петра Якира и Виктора Красина.

-
- 5 К 1966-му — началу 1967 года, когда они занимались печатанием самиздата, относится воспоминание Павла Литвинова о том, что Красин много рассказывал о лагере и что на более молодых слушателей, не имевших этого опыта, рассказы Красина и его отношение к власти производили большое впечатление: «И я на него [Красина] молился. Я совершенно считал, что этот человек все понимает, что если бы все смотрели на суть коммунизма и советской власти взглядом Красина, был бы полный успех нашего великого дела» (Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 12 марта 2021 года). Во второй половине 1966 года Литвинов стал меньше заниматься самиздатом и больше — помощью Александру Гинзбургу в работе над «Белой книгой» (Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А. Гинзбург. Frankfurt a.M.: Possev-Verlag, V. Gogaschek KG, 1967). Затем, после ареста Галанскова, Лашковой, Добровольского и Радзиевского, после демонстрации в их поддержку, повлекшей новые аресты, Литвинов занимался подготовкой сборника «Правосудие или расправа?» (Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года: Сб. документов / Под ред. П. Литвинова. London: Overseas Publications Interchange, 1968), после суда — подготовкой сборника «Процесс четырех» (Процесс четырех: Сб. материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой / Сост. и коммент. П. Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971), который вышел, когда Литвинов находился уже в ссылке после участия в демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года. В ссылку к нему приезжал и Красин, с Красиным он поддерживал переписку.
- 6 Краткую биографическую справку о Владимире Кормере (1939—1986) дает В. Кантор в предисловии к публикации его прозы: «Он окончил МИФИ, работал в социологическом центре Ю. Левады (внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов), потом в 1968 году И.Т. Фролов взял его, беспартийного, на работу в журнал “Вопросы философии”, где Володя вел до 1979 года отдел “зарубежной философии”» [Кантор 2009: 14], — то есть до присуждения ему парижской премии имени Вл. Даля за роман «Крот истории, или Революция в республике S=F». В 1969 году вместе с Михаилом Меерсоном-Аксеновым и Евгением Барабановым Кормер участвовал в издании сборника «Μεταποία», куда вошли (под псевдонимами) написанные ими статьи, позже опубликованные в журнале «Вестник РХД». Статья Кормера (*Алтаев О. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Вестник РХД. 1970. № 97. С. 7—32*), написанная им уже после начала работы над романом «Наследство», датирована годом создания Инициативной группы. Роман в сокращенном виде был опубликован издательством «Посев» лишь после смерти автора (*Кормер В. Наследство. Frankfurt a.M.: Possev-Verlag, V. Gogaschek KG, 1987*), в России он вышел полностью сначала в журнале «Октябрь» (1990), затем — отдельным изданием в «Советском писателе» (*Кормер В. Ф. Наследство. М.: Советский писатель, 1991*). В этой работе цитаты приводятся по более позднему изданию (*Кормер В. Наследство. М.: Время, 2009*) с предисловием В. Кантора (см.: «Я познакомился с Володиёй и подружился, когда он писал “Наследство”. Он боялся за рукопись. Сделанные под копирку экземпляры раздавал друзьям — на хранение. Одним из этих друзей — не без гордости могу сказать — был я. А Володя гордился, что его роман печатала та же машинистка, что печатала тексты Солженицына. Это был как бы шаг к художественной власти над миром. Он был уверен в своей грядущей известности» [Кантор 2009: 11].

Ненасилие над представителями стороны насилия

О «Бесах» Достоевского Красин рассуждал много уже в 1966 году. Вспоминает Павел Литвинов:

...мы говорили про Достоевского и про «Вехи» очень много с Витькой <Красиным> — с первого знакомства, эти вопросы очень были живы. <...> Красин был против Верховенского, которого он считал предшественником Ленина, — Верховенский, как известно, был зашифрованный Нечаев. Верховенский был одновременно и Нечаевым, и Лениным, с одной стороны, хотел осуществить благородную революцию, с другой — всех обманывал, это была страшная и опасная работа. Эти связи все время обсуждались: Иванов — Нечаев, Нечаев — Ленин и все такого рода герои — они были умны и хотели что-то хорошее построить, но — методы. Вопросы о черте, об Иване Карамазове...

Для меня вопрос методов всегда был однозначен: плохими методами не построишь хорошее общество. Красин человек был лукавый, он с этим как бы соглашался, а потом в подрыв своих же слов говорил, что все-таки именно Верховенский или Нечаев организовали что-то, у них что-то работало, и у Ленина получилось, а у всех благородных — ничего не получилось. Это была одна из важных тем, и она у нас с Красиным началась очень рано⁷.

Павел Литвинов приводит слова Владимира Кормера, дружившего, как он помнит, с Красиным, о человеке, которого подозревали в стукачестве: «А я бы стукача, если б надо было, убил бы без сомнений», — и вопрос к нему Красина: «А он серьезно об этом говорит?» В романе «Наследство», над которым Кормер начал работать примерно в то же время, в которое мог состояться этот разговор (в издании 2009 года начало работы над романом датировано осенью 1967 года⁸), политическое убийство описано как очевидное зло, что ставит нас сейчас перед вопросом, чем же являлась эта провокативная фраза — взвешенным мнением или высказыванием романиста-антрополога, провоцирующего на отклик будущего героя своего романа, которого одна из героинь будет описывать как бросающегося словами, но не способного к действию⁹. Провокативность в романе Кормера станет одной из важных характеристик кружков — Кормер ее припишет кружкам русской эмиграции 1920-х годов, где одним из действующих лиц будет провокатор Проровнер.

Вероятно, к зиме 1967—1968 годов относится воспоминание Павла Литвинова о том, что пример декабристов воспринимался как отрицательный из-за обсуждавшихся в тайных сообществах планов цареубийства («...все относились отрицательно к употреблению насилия»¹⁰), меж тем как сам пример мирного

7 Беседа О. Розенблум с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года. Прочитав эту статью, Павел Литвинов уточнил, что в 1966—1967 годах он также обсуждал с друзьями идеи Ганди (идея ненасильственного сопротивления в противовес революции по примеру Октябрьской).

8 Кормер В. Наследство. С. 733.

9 См.: «Так он горел, так ждал, пока у него будут единомышленники, так презирал нас за бездействие... а теперь, когда эти единомышленники наконец появились, то что же оказалось? Вздор! Я их видеть не могу!..» (Кормер В. Указ. соч. С. 150).

10 Беседа О. Розенблум с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года.

стояния на площади — отказа от насилия, выбора протеста как мирного, — воспринимался отрицательно в силу своей бесперспективности:

— Если обсуждаются «Бесы», обсуждаются кружки, нечаевщина, то присутствует ли в этих дискуссиях пример декабристов как пример мирного выхода на площадь?

— Это присутствовало, может, не в той же компании. Подразумевалось, что это <мирный выход на площадь> нормально, хорошо, но только из этого ничего не выйдет. Когда это обсуждалось, это было еще время, когда не было выходов на площадь, были подписи. Подпись под письмом была примерно эквивалентом выхода на площадь на год позже¹¹.

Мирный выход на площадь как средство политического воздействия в 1967 году воспринимался как бессмысленная акция теми людьми, которым через полтора года, в августе 1968 года, мирный выход на площадь как декларация несогласия с тем, чему невозможно сейчас противостоять политически, показался тем выбором, который сделать можно и должно: если в 1967 году значимым — имеющим результат в масштабах общества — поступком казался такой поступок, который окажет именно физическое воздействие на общество, запустив в нем механизмы дальнейшего, тоже физического, воздействия на общество¹², то в 1968 году значимым уже стал поступок, направленный на формирование общественного мнения. Результат этого поступка, таким образом, сместился, во-первых, в будущее, а во-вторых, в сторону перемен в обществе, а не физической смены тех, кто обществом управляет. В первой половине 1968 года Литвинов акцентирует понятия «общественное мнение», «общественность»¹³ (см. работу об этом понятии у Литвинова: [Matsui 2015]): общественное мнение и общественность становятся акторами, заменяющими такой вид объединения, как партия, подчеркивающими добровольность и вхождения в это объединение, и выхода из него, и самого выбора деятельности, с ним связанного (распространение самиздата, выход к памятнику Пушкину 5 декабря и др.).

Фокус внимания в обсуждении темы насилия после демонстрации на Красной площади, давшей именно пример несопротивления милиции¹⁴, сместился

11 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года.

12 См. ироническое описание такого рода физических воздействий на общество в стихотворении «Памяти Герцена, или Баллада об историческом недосыпе» (1972) Наума Коржавина (декабристы разбудили Герцена, Герцен — Чернышевского, Чернышевский — Желябова и т.д.), которого Павел Литвинов называет среди тех, кого в его кругу читали и обсуждали.

13 Книга «Процесс четырех», над составлением которой Литвинов работал с января по август 1968 года, содержит раздел «Отношение общественного мнения» с письмами поддержки в адрес осужденных, а также открытое письмо его и Ларисы Богораз «К мировой общественности» (название утвердилось в соответствии с обратным переводом с английского языка, подготовленным западными журналистами при передаче письма по радио; название, данное авторами, соответствовало названию раздела в книге «Процесс четырех» и тогдашнему словоупотреблению — «К мировому общественному мнению»; замена оказалась существенной: «общественность» подразумевает что-то более физическое, материальное, чем «мнение» — то есть именно людей, масштаб объединения которых определить трудно).

14 При задержании сопротивлялся милиции — так, что ему выбили зубы (вероятно, по этой причине его не судили, а отправили в спецпсихбольницу), — только один участник демонстрации, как раз не поддержавший идею мирного протеста, Виктор Файнберг. Павел Литвинов вспоминает о разговоре с Файнбергом, который, ссылаясь на

на тему насилия внутри объединений. 22 августа 1971 года, то есть еще до третьего ареста Виктора Красина¹⁵, Павел Литвинов пишет из ссылки матери:

Во всем, что я говорил и писал о Москве, имелся в виду не город сам по себе, а опред<еленный> круг людей. Источников информации о нем у меня достаточно много... и устных и письменных. Многие вещи, которые (по крайней мере, мне так казалось) были раньше в чистом виде, теперь выродились в голую форму, трепотню и светскую жизнь, с одной стороны, в ревбесовство и фанатизм с другой¹⁶.

После ареста Петра Якира (21 июня 1972 года) и Виктора Красина (12 сентября 1972 года), после их обширных признательных показаний, данных от имени руководителей Демократического движения, реакция на саму идею партийности у тех, от чьего имени они говорили, стала еще более резкой. К концу 1973 года относятся слова Андрея Сахарова, взятые нами для эпиграфа к этой статье, — о том, что политическая борьба связана с сектантством, насилием и бесовщиной. Выбранное Сахаровым слово («секта» вместо «кружка») отсылает к религиозным контекстам и к Достоевскому, не оставляя за кружками возможности служить также и пространством общественной дискуссии, которого очевидно не хватало.

Ненасилие над борющимися с насилием

Дискуссия вокруг другого разворота темы «Бесов» — вопрос о том, какой должна быть организация, чтобы само ее устройство не предполагало насилия над людьми, в этой организации состоящими, — оказалась более длительной и болезненной.

Необходимость создания не только практик, но и институтов постоянной, регулярной активности обсуждалась, по воспоминаниям Павла Литвинова, в марте 1968 года на специально организованной для этого встрече: после их с Ларисой Богораз письма «К мировой общественности», спровоцировавшего высказывания поддержки со стороны западных интеллектуалов и письма граждан СССР с сообщениями о правонарушениях, после пика подписантской кампании, связанного с поддержкой осужденных в январе 1968 года на «процессе четырех», после вызванных этой подписантской кампанией репрессий (прежде всего в адрес тех, кто собирал эти письма — Натальи Горбаневской и Александра Есенина-Вольпина):

книжку об Андрее Желябове и Софье Перовской, рассуждал о том, что «без какой-то формы насилия и террора ничего не изменишь» (Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года). Разговор этот, вероятно, нужно отнести к 1973 году, когда вышла книга «Нетерпение» Юрия Трифонова об Андрее Желябове в серии «Пламенные революционеры» и когда могли встретиться Литвинов, вернувшийся из ссылки в Усуглях в конце 1972 года, и Файнберг, в феврале 1973 года выпущенный наконец из Ленинградской спецпсихбольницы (оба они эмигрировали в 1974 году); при такой датировке понимать этот разговор нужно как рефлексию цены морального протеста и его результативности.

15 Отметим также: и за несколько недель до того, как с трибуны Большого театра (о чем сообщала «Литературная газета») директор ИМЛИ Борис Сучков определил нечавщину как «самый мрачный и безотрадный тупик русского революционного движения», осужденный Марксом и Энгельсом [Dmitriev 2021: 494].

16 Hoover Archive. Litvinov Pavel. Box 2. Folder 10. P. 7—8.

Был решен вопрос с «Хроникой»: Наташа сказала, что она будет ее делать¹⁷. Одновременно был разговор, что нужна какая-то группа. Я не помню, было ли слово «инициативная» — какая-то организация. Я сразу сказал: слово «организация» — это прямо гэбэшное, из всех кодексов, нужно какие-то более мягкие слова употреблять. Я считал, что слово «группа» было самое подходящее, потому что оно ни к чему не обязывало. Но ничего не было решено по поводу этого дела.

<...> Идея Инициативной группы была, а группы никакой сделано не было. А потом мы с Ларой уехали известно куда, и в это время стал большим активистом генерал. <...> Генерал хотел все время вести лидерскую группу...¹⁸

К вопросу о том, какой должна быть организация, которая, в отличие от «Хроники», не могла быть анонимной, обсуждение вернулось весной 1969 года, когда к обсуждавшим за год до того создание организации после отъезда в ссылку Ларисы Богораз и Павла Литвинова присоединились новые люди:

У генерала встретились люди, которые хотели создавать — или не создавать — Инициативную группу. Два человека в самом начале были за то, чтобы ее создавать: это были генерал и Толя, Тошка <Якобсон>. И на встрече была еще Майя Литвинова — моя жена, которая приехала из Усуглей¹⁹.

Острый конфликт возник между генералом Григоренко и Майей Улановской, женой Анатолия Якобсона, имевшей опыт участия в подпольной организации — молодежном антисталинском «Союзе борьбы за дело революции». Павел Литвинов цитирует Майю Литвинову, которая пересказала ему слова Майи Улановской, представлявшей, вероятно, себе организацию по принципу той, в которой она состояла, члены которой были арестованы в начале 1951 года (трое были расстреляны, остальные получили 10 и 25 лет лагерей): «...я считаю, что это неправильно, общество к этому не готово, вас всех пересажая сразу, если вы создадите “Инициативную группу”»²⁰. Спор был именно о том, должна ли новая организация быть создана по образцу предыдущих. Так, «Союз борьбы за дело революции» вполне сознательно воспроизводил некоторые практики народовольцев — распространение листовок, «пятерки», «когда члены “пятерки” знали только друг друга и руководителя “пятерки”»... [Марков 2007: 46, 48, 50, 76] (о молодежных подпольных организациях в СССР см. также: [Fürst 2002]). На значимость идеи создания объединений не по ленинскому принципу указывает и соотнесение Ленина с Нечаевым в цитате выше, и сопоставление с демократическим централизмом, отсылающее к работе Ленина «Государство и революция»:

Майя <Литвинова> мне все это рассказала, и я сказал, конечно, что надо действительно, чтобы все, кто будет участвовать, согласились, а иначе это глупо: у нас не коммунистическая партия, чтоб кто-то решил — и все присоединились, демократический централизм... Мы начинаем медленно, и кто участвует в чем-то, может не участвовать в другом. Не надо, чтобы была какая-то централизованная орга-

17 Первый номер «Хроники текущих событий» Наталья Горбаневская датировала 30 апреля 1968 года.

18 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 12 марта 2021 года.

19 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 22 сентября 2021 года. Майя Русаковская (Копелева) приезжала в Усугли, где отбывал ссылку Павел Литвинов, но окончательно переехала туда в конце мая 1969 года.

20 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 22 сентября 2021 года.

низация, в которой, если большинство решило, то все должны присоединяться, то есть — коммунистический принцип демократического централизма²¹.

Ключевым, таким образом, был — или таковым он стал в момент создания Инициативной группы, — вопрос о воле, которая есть у рядовых членов создаваемой организации²². После той встречи, во время которой Майя Улановская спорила с генералом Григоренко, должна была состояться еще одна, но 7 мая Григоренко был арестован, а 20 мая датировано создание группы. Александр Лавут запомнил, что «в тот день не случайно собралось у Якира много народу, человек 20, может, 30», что «Якира и Красина не было, и ждали, что они вот-вот приедут», что они приехали и объяснили, что встретились с корреспондентами западных изданий и отдали им письмо, текст которого, вместе со списком ставящих подписи, и должен был обсуждаться в этот день:

И отдали нам этот текст, где внизу было написано: Инициативная группа... не помню дословно, защиты или по защите прав человека в Советском Союзе. И дальше шли 15 фамилий. Почему эти? Ну, они сами знают, кого надо записать. В некоторых случаях это было вполне естественно, это те, кто и работали над этим письмом, и вообще были в это все хорошо вовлечены, а другие (почему по-советски) — чтобы было представлено общество в разрезе... И мореплаватель, и плотник, и писатель, и каменщик²³.

Таким образом, проблематизированы оказались и вопрос репрезентативности (должны быть представлены разные слои общества), и вопрос репрезентации (можно ли говорить от имени других?²⁴). Этот конфликт с обсуждением возможности репрезентировать и маленькую группу, и народ, и неясно как подсчитываемую и очерчиваемую группу сторонников запомнил Павел Литвинов:

Мустафа <Джемилев> в какой-то момент приехал и сказал: «Что бы мы ни делали в защиту <кого-то> — все крымские татары подписываются в поддержку: я уполномочен от крымских татар». А генерал говорит: «А у нас есть 200 тысяч человек, и я уполномочен их представлять», — вот такие были вещи, наивные²⁵.

21 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 22 сентября 2021 года.

22 «Я тоже был среди тех, кто считал, что не надо никакой политики. Не то что вообще (это, кажется, было единое мнение кроме разве что у Красина), а что ничего похожего на партию <не должно быть> — в том понимании, к которому мы все привыкли, по воспитанию, образованию.

— *То есть никакого руководителя, никакой структуры?*

— ...почему же, руководитель в любом деле может быть. Не может быть партийной дисциплины. Когда член партии, неважно, сколько там, пятнадцать человек или пятнадцать миллионов, дает обязательства действовать так, как партия решила» (Памяти Александра Лавута. Интервью О. Розенблюм с А. Лавутом. 2013. 4 июля // <https://gefter.ru/archive/9305> (дата обращения: 28.08.2023)).

23 Там же.

24 «Якир от имени Инициативной группы делал заявления — иногда согласовав с людьми, иногда не согласовав» (Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года). Вероятно, как реакция на эту практику, когда один представляет всех, возникла и практика подписывать различные заявления: указывались имена, затем указывалось, что подписавшиеся являются членами Инициативной группы. См.: Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР / Сост. Г.В. Кузовкин, А.А. Макаров // <http://old.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html> (дата обращения: 28.08.2023).

25 Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 22 сентября 2021 года.

Объединение по партийному принципу, объединение людей в организацию, которая не дает им затем воли принимать решения и уходить, — это одна из концепций, существовавших в диссидентском сообществе (Красин, Якир). Она противостояла другой — концепции абстрактной, не имеющей границ, общественности (Литвинов). Кружки при этом могли восприниматься как «сектантство» (Сахаров) или как репетиловщина²⁶, то есть как место формирования идей реформ большого масштаба, оказывающихся бессмысленными разговорами и поэтому, скорее всего, не представляющих опасности, — действие «Горя от ума», где Чацкий разговаривает с Репетиловым, позволяет и такое понимание бесовщины²⁷.

Насилие и бесовщина в романе В. Кормера «Наследство»

Грибоедовский разворот бесовщины дает в «Наследстве» и Кормер. В 1927 году в маленьком немецком городке часах в трех езды от Мюнхена, судя по названиям, которые пытается вспомнить в 1960-е Наталья Михайловна Вельде, одна бывшая бестужевка, там жившая, рассказывала ей, тоже бывшей бестужевке, захавшей ненадолго в процессе перемещений в неясном ей самой направлении:

— Душа моя, если б ты только знала, что у нас тут делается! — сказала Анна. — Мы сейчас только тем и занимаемся, что возрождаем русскую идею да русскую государственность. Ха-ха-ха, мы-то, конечно, главным образом разговариваем, но кто его разберет! Черт знает до чего дожили!²⁸

Этот фрагмент, содержащий несколько цитат из «Горя от ума»²⁹, превращает в бесовщину неопасную и комичную трепотню Репетилова, поставив рядом с ней убийство — убийство одного из гостей Анны, после которого все участники того кружка из этого маленького городка постараются уехать.

Угроза прочитывается и в отсылке к «Дару» Набокова³⁰, то есть к Чернышевскому, который гораздо опаснее Репетилова, и к самой теме наследования и преемственности Чернышевскому, которую таким образом показывает Кор-

26 См. две ссылки на высказывания Габриэля Суперфина, относящиеся к 1970—1971 годам: приглашение пойти «к бесам» (к Якиру) и высказывание «про какое-то сборище» «Левон и Боренька, чудесные ребята!» [Розенблюм/Кукуй 2023: 108].

27 Тема чертовщины — в связке с пустой болтовней — появляется в тот момент, когда Репетилов говорит, что он «готов <...> душу прозаклать» за то, что Чацкий не найдет себе такого верного друга, эта тема потом будет усилена вопросом Чацкого «Да из чего беснуетесь вы столько?», заданным в ответ на упоминание «общества» и «тайного собрания», описанного через крик (звучащий «что сотни голосов») в сочетании с претензией на «государственное дело» (Грибоедов А.С. *Горе от ума* / Изд. подгот. Н.К. Пиксанов при уч. А.Л. Гришунина. М.: Наука, 1987. С. 114, 110, 113).

28 Кормер В. Указ. соч. С. 105.

29 Ср.: «государственность» vs. «государственное дело», «главным образом разговариваем» vs. «Шумите вы? и только?», «черт» vs. «беснуетесь», «но кто его разберет» vs. «...Вслух громко говорим, никто не разберет» (Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 114, 113).

30 Ср. два временных пласта в обоих произведениях, у Набокова более поздним оказывается тот, который становится у Кормера более ранним, — русская эмиграция 1920-х годов в Германии; более ранним временным пластом у Набокова оказывается эпоха Чернышевского, роман, о котором пишет Годунов-Чердынцев, — так же, как пишет в 1960-е свой роман об эмиграции 1920-х Николай Вирхов, герой «Наследства».

мер: Чернышевский и подпольные организации в царской России / подпольные организации эмигрантов после революции (глава «В подполье») / подпольные организации сегодняшних наследников тех и других (домашние кружки, описанные Кормером в «Наследстве» с персонажами, легко узнаваемыми в тех кругах, которые позже назовут диссидентскими). Будет или не будет этими нынешними подпольщиками продолжена многолетняя традиция насилия, они примут наследство или не примут?³¹

Наследство в буквальном значении этого слова возникает в самом конце романа, и вопрос о том, удастся ли его получить, остается открытым — но герои ищут обходные пути, чтобы это удалось: одна из главных героинь, Таня Манн, оказывается дочкой дворянина, миллионера, политика Дмитрия Муравьева, убитого в 1927 году провокатором Проровнером, работавшим на советскую разведку; оказывается, ей причитается часть наследства Муравьева:

Это был Дмитрий Николаевич Муравьев, лицо до войны весьма известное, историк-медиевист, довольно талантливый, но отошедший в предреволюционные годы от истории ради *политической деятельности*, сын и внук видных сановников всех последних царствований, женатый на дочери сибирского золотопромышленника, принесшей ему, по слухам, семь миллионов, и сам миллионер³² (Курсив в цитатах здесь и далее наш. — О.Р.).

Наследуя Муравьеву, Таня Манн, очевидно, наследует и «видным сановникам»: герои романа наследуют у своих родителей, даже если они не были с ними знакомы, идеи, поведение, манеру говорить³³. Ключевые вопросы романа: что осталось от того наследства, которое было и сохранилось, но не было передано напрямую? насколько опасны сегодняшние бесы? могут ли они перейти к насилию или они могут только рассуждать о нем? В этом втором временном пласте романа, в 1960-е, убийство не происходит, но, если Таня найдет способ получить наследство в обход Инюрколлегии, которая хочет съесть все наследство налогами (она думает про фиктивный брак)³⁴, могут ли эти сегодняшние подпольщики найти путь, чтобы принять наследство каким-нибудь обходным путем?

Как и в цитате, отсылающей к Грибоедову, как и во многих других эпизодах романа, в главе «Большая политика» рядом с «партией» и «политикой» появляется «черт»:

— Послушайте, а за каким *чертом* вы вообще влезаете во все это?! Ведь это же отвратительно! Зачем вам это? Ведь люди придумали себе занятие *политикой*,

31 Еще одна вероятная отсылка — темой наследства, о котором неясно, передано оно или нет, а также бесовщиной, хоть и данной здесь в другом ракурсе, в связи со стихиями, как у Пушкина и Блока [Магомедова 1995], — к роману «Пушкинский Дом» Андрея Битова, ходившему в самиздате, когда Кормер заканчивал работу над «Наследством». К «Пушкинскому Дому» отсылает и такой прием, как периодически возникающие в романе отточия, обозначающие пропуски, недоступные читателям.

32 Кормер В. Указ. соч. С. 107.

33 Экзальтированная манера разговора Тани Манн похожа на манеру разговора ее матери с ее отцом; вернувшегося в СССР и там расстрелянного провокатора, убившего Муравьева, приезжает разыскивать его сын, отца своего почти не знавший, Григорий Григорьевич, и тем не менее повторяющий его не только именем, но и лицом — в такой степени, что человек, расстрелявший его отца, пугается, представив себе, что вернулся тот, расстрелянный.

34 Кормер В. Указ. соч. С. 730.

чтобы не думать о нравственности. Вернее, вся нравственность теперь сместилась в область политического. Считается, что нравственно принадлежать к одной *партии* и не принадлежать к другой. Человек может быть жаден, может быть пропойцей, может быть подл по отношению к своим близким, к жене, но никто не интересуется этим. Интересуются только, за правое или за неправое дело он выступает! <...> Не вмешивайтесь, бросьте! В конце концов вас просто убьют! Начавши заниматься политикой, надо самому быть готовым на убийство!..³⁵

Слова эти произносит главный редактор журнала Кондаков, задача которого в романе — репрезентировать «политика до мозга костей»³⁶, пытающегося при этом вообразить возможность такой политики в будущем, которая будет нравственной. Когда в следующий раз повествование вернется к Муравьеву, это будет в главе «В подполье», которая начнется с того, что «Муравьев был убит почти сразу же по возвращении из Лондона...»³⁷: убийство в романе, начатом тогда, когда Кормер в кругу тех, кого он в романе и описал, рассуждал о возможности убийства стукача, оказывается именно примером грязной политики.

Бесовщиной, однако, оказывается и гораздо менее, казалось бы, преступное деяние, с юридической точки зрения и вовсе не преступное. В романе описан дом, где регулярно собираются бывшие лагерники и новая молодежь, где плохо кормят, но много пьют, где рассуждают о политике и о Боге. Хозяйка этого дома, говоря об одном из своих гостей, Хазине, за биографией которого вполне узнается Виктор Красин, сравнивая его с Петенькой Верховенским, сообщает, что его выгоняют из института «за *деятельность*». Деятельность осуждавшего за бездействие оказывается, однако, не государственного, как задумано, масштаба, а мелкой, мелочной³⁸, и когда Ольгу просят расшифровать, что она понимает под словом «деятельность», она сначала говорит «бесовщина»³⁹, затем «гадость», затем поясняет, в чем она видит гадость:

Вижу в том, что меня хотят заставить делать то, чего я не хочу! В том, что это... наоборот! Почему если кто-то думает иначе, чем они, то это уже подлость, это приспособленчество?! Это трусость? Я хочу быть человеком со своим мнением и жить, как я хочу, а не как они хотят... А то как они говорили, когда бегали с этим письмом в защиту Иркиного хахала? Нас, видите ли, не интересует, почему ты подписываешь и о чем ты при этом думаешь! Подписывая, ты становишься просто *социальной единицей* и в качестве таковой только и имеешь значение... Сволочи!⁴⁰

35 Там же. С. 450.

36 Там же. С. 435.

37 Там же. С. 493.

38 «Таскался пьяный по институту, поджег какие-то плакаты... Конечно, у Целлариуса были через это неприятности. Надо иметь хоть каплю порядочности» (Там же. С. 151).

39 Там же. С. 152.

40 Там же. Один из присутствующих поправляет Ольгу: «Это не он, это Васенька из Питера говорил...» — то есть Павел Литвинов, внук «ленинградского туза», который еще недавно «был просто модный и дешевый мальчик и основное время проводил на бегах...» (Кормер В. Указ соч. С. 153); даны две абсолютно ясно указывающие на него детали (внук сталинского наркома, бега на Московском ипподроме), Ленинград, возможно, должен был сделать его не только узнаваемым, но и в какой-то мере типическим. См. комментарий Павла Литвинова к фрагменту о социальной единице: «Очень похоже <на Красина>, но сказать, что я слышал <от него> именно это выражение, не могу» (Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 20 сентября 2021 года).

Две приведенные нами цитаты из романа Кормера — одна о политическом убийстве, вторая о человеке как обезличенной социальной единице — отражают именно те два разворота темы насилия, которые выше мы рассматривали на материале интервью с Павлом Литвиновым. Казалось бы, их позиции близки: совпадают оценки партийности, воспроизведения советской системы, неуважения к личности, бесовщины. Почему же в этом случае Литвинов — как, впрочем, и все остальные⁴¹ — показан в романе шаржированно?

Различие — в прогнозах на будущее: Кормер не видит возможности развития этих кружков вне описанных им соблазнов. Тема соблазнов — первый подход к разговору о бесовщине — возникает в самых первых текстах Кормера: в романе «Предания случайного семейства» (1970)⁴² и в статье «Двойное сознание русской интеллигенции и псевдо-культура» (1969), где, поясняя принцип двойного сознания, он перечисляет шесть бывших у интеллигенции в разные годы соблазнов: соблазн «музыки революции», соблазны «сменовеховский», «социалистический», «военный», «оттепельный», «технократический»⁴³. Хронологически к сегодняшнему дню, видимо, должен был относиться соблазн оттепельный («надежд на перемены»), но, поскольку, как пишет Кормер, все эти соблазны не были интеллигенцией «изжиты», «преодолены», и поэтому можно сказать, что они существуют «единовременно», к сегодняшнему дню, вероятно, нужно отнести и второй соблазн, «сменовеховский» — «это нынешний “демократический” соблазн, т.е. вера, что Россия осознала, наконец, идею права, и теперь сравнительно нетрудно претворить эту идею в жизнь»⁴⁴.

«Что же изобретет русская интеллигенция? Чем еще захочет она потешить Дьявола?» — одной из гипотез, высказанных Кормером, оказывается «новая вспышка ортодоксального сталинского коммунизма»⁴⁵: поскольку, как пишет он в это время в романе, от наследства отказаться очень трудно. Предположим, что история с созданием Инициативной группы, почти совпавшая по времени с выходом статьи Кормера, заставила его усилить в романе акценты и заговорить уже не о соблазнах, но именно о бесах.

«Кружки» среди других пространственных метафор и форм объединений

Того решения, которое находит Литвинов, Кормер ко времени окончания работы над романом еще не знает — статья, в которой оно будет предложено, выйдет лишь в следующем, 1976 году, и выйдет в Нью-Йорке: общество долж-

41 Отметим, что в романе «Наследство» нет положительных героев: это роман-памфлет, где все персонажи в той или иной степени чем-то скомпрометированы. Так, Николай Вирхов, молодой человек, пишущий роман об эмиграции 1920-х годов, потенциальный «Годунов-Чердынцев» из «Дара» Набокова, сообщает, что он хочет писать, как Хайдеггер, что сразу компрометирует задуманный роман — и спорной общественно-политической репутацией Хайдеггера, и претенциозностью автора (Кормер В. Указ. соч. С. 131).

42 Фразу героя романа, отсылавшего к «Подростку» Достоевского, цитирует В. Кантор: «Стремления моей юности были соблазном» (Кантор В. Указ. соч. С. 6).

43 Алтаев О. [Кормер В.] Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. С. 31.

44 Там же.

45 Там же. С. 32.

но быть организовано так, чтобы в нем не было иерархии и чтобы оно занималось не политикой, а правами человека, которые нужно понимать как зону внеполитическую⁴⁶, гуманитарную, гуманистическую (о дискуссиях вокруг прав человека см.: [Nathans 2011]). Внеполитическими, таким образом, должны были быть и предмет занятий общества, и способы, которые оно для этого находит. Возможно, что Кормер назвал бы эту концепцию соблазном отсутствия иерархии⁴⁷:

В России родилось свободное общественное мнение, которое каждый новый политический процесс стало считать своим кровным делом, выступать в защиту каждого политического заключенного, независимо от национальности, вероисповедания, причины ареста.

Но это было не только возрождением доброты и милосердия, это было рождением правосознания в советском обществе. Впервые интеллигенция поняла, что советская конституция, несмотря на все ее несовершенства, — это закон, который в букве своей охраняет их достоинство граждан, который на бумаге стоит на защите прав человека. Движение за права человека, обратив внимание как советской бюрократии, так и общества и всего мира на несоответствие между поведением режима и конституцией — советским законодательством, а также на ряд международных конвенций и пактов о правах человека, которые Советский Союз ратифицировал, думая не столько об их исполнении, сколько о своем международном престиже, открыло мощный рычаг общественного преобразования — право.

Мы считаем, что если России суждено стать справедливым обществом, то только на этом пути. Здесь коренится главное различие между движением за права человека в Советском Союзе и освободительными движениями в России царской. Движение за права человека поставило в центр своего внимания защиту человека от произвола государства, а не вопросы государственного и социального устройства. Посвятив себя этой практической задаче, возрождающаяся интеллигенция изживает порок старой интеллигенции — слепого веру в возможность внешними средствами создать на земле абсолютно справедливую жизнь, преодолевает духовную болезнь утопизма⁴⁸.

В книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» (1983), на многие годы задавшей образец для описания истории диссидентского движения, но содержащей при этом минимальную дистанцию между исследователем и исследуемым явлением, предложен компромиссный вариант существования общества (той его части, которая мыслит «иначе») — внеиерархический, но

46 Ср. с позицией Сахарова, выраженной в тексте, ставшем эпиграфом к этой статье.

47 «То есть он считал: да, политика все еще грязна, лжива, бесчестна — но она не должна больше быть такой! Это варварство. Она должна быть благородна, разумна, исходить из подлинных интересов людей, а не интересов правящей клики или оппозиционной партии, современная политика должна быть гуманна, или, если угодно, христианизована» (Кормер В. Указ. соч. С. 437). Эта цитата содержательно почти совпадает с сегодняшним высказыванием Литвинова:

«— Павел Михайлович, вы говорите, что политика казалась чем-то грязным, а с другой стороны — что еще не доросли до политики. Как это сочетается?»

— Одна политика была грязной — советская политика, а другая была чистой — могла быть чистой...» (Беседа О. Розенблюм с Павлом Литвиновым 22 сентября 2021 года).

48 Литвинов П. О движении за права человека в СССР // Самосознание / Сост. П. Литвинов, М. Меерсон-Аксенов, Б. Шрагин. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 86—87.

целенаправленный: слово «движение», скомпрометированное процессом Виктора Красина и Петра Якира (1972—1973), сохранилось как активно употребляемое участниками описываемого явления⁴⁹:

Между правозащитниками нет формальных связей — ни внутри ядра движения, ни между ядром и «периферией». У них нет ни лидеров, ни подчиненных, никто никому не «поручает» никаких дел, а может лишь сам делать задуманное, если не будет добровольных помощников. Никто не имеет каких-либо обязанностей, кроме налагаемых собственной совестью. Но именно из-за добровольности присоединения к этому братскому ордену люди действуют с самозабвенной активностью, какой не вызвать приказами и понуканием.

<...> Отсутствие формальных связей между участниками движения не означает отсутствия у него структуры. Каркасом правозащитного движения стала сеть распространения самиздата [Алексеева 2012: 224].

Слово «движение» позволяло сообщить описываемым действиям масштаб и идею прогресса — и в этом смысле противостояло метафоре «кружков», то есть феномена, заикленного на себе самом, двигающегося на месте, ко времени начала работы Людмилы Алексеевой над этой книгой только недавно описанного Кормером как «кружковщина» и «бесовщина». Предысторией «движения» они не стали: предыстория у Алексеевой обозначена как таковая, но существенна она именно событийной своей стороной — первыми митингами, первыми публикациями материалов о судебных процессах и т.д.⁵⁰ Кружки к концу 1970-х себя скомпрометировали, и в «Истории инакомыслия в СССР» значимой частью описываемого феномена — как существовавшие несколько лет дискуссионные площадки и потому важный предмет для изучения (к которому, добавим, нам представляется важным вернуться сегодня) — они не стали, хотя примеры исследований кружков именно с этой точки зрения с конца 1960-х годов были достаточно заметны⁵¹.

«Движение» в приведенной выше цитате снабжено описанием, подавшим его как естественное, никем не направляемое, органическое, но оно здесь лишь

- 49 См. его в приведенной выше цитате из статьи Литвинова; см. также «день рождения правозащитного движения в СССР» и «день рождения правозащитного движения» в применении к демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года в двух изданиях, подготовленных участниками самого движения (см.: [Алексеева 2012: 208]; Пятое декабря 1965 года / Сост. Д. Зубарев, Г. Кузовкин, Н. Костенко, С. Лукашевский, А. Паповян. М.: Мемориал, 2005. С. 5). См. другой пример рефлексии понятия «движение» — комментарий Натальи Горбаневской к интервью Александра Лавута: «Движение, демдвижение (и даже демдвиж) были действительно любимыми словечками Красина. Оно и впрямь было движением, только не с заглавной буквы, как Красин его произносил» (Памяти Александра Лавута. Интервью О. Розенблюм с А. Лавутом).
- 50 «Становление» движения, по Алексеевой, началось в 1968 году, и, таким образом, то, что было до 1968 года — разделы «Начало» (1953—1964) и «Первые правозащитные выступления» (1965—1968), — рассматривается ею как период, подготовивший это становление. См. книгу, название которой отражает именно это понимание периодизации московского диссидентского движения: *Поликовская Л. Мы предчувствие, предтеча... Площадь Маяковского. 1958—1965. М.: Звенья, 1997.*
- 51 См. статью, которую в 1990-е авторы круглого стола, близкие и Тарту, и диссидентским кругам, называли как значимую не только с исследовательской точки зрения, но и благодаря актуальности общественной [Уварова, Рогов 1998]: «Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь — разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди, гневные филиппики — играла бы такую роль» [Лотман 1975: 29].

одна из нескольких пространственных метафор. С этой метафорой, подразумевающей горизонталь, должны сочетаться «ядро» и «периферия»; «периферия» взята в кавычки, то есть названа так условно, а «ядро» именно и обозначает центр, несмотря на описываемое в цитате отсутствие лидеров и подчиненных. Можно предположить, что подразумевается пространственный, географический центр (но где он находится внутри движения?), поскольку дальше речь идет о сетях распространения самиздата (еще из обозначений пространства — «сеть» и «каркас»), но важно, что этот набор пространственных метафор цельной, непротиворечивой картинкой (метафоры) не дает: он все равно подразумевает неравенство.

Но указание на вертикаль в этом отрывке все же присутствует: у правозащитников, пишет Алексеева, «нет ни лидеров, ни подчиненных», не они назначают «обязанности» — но совесть.

«Совесть», с которой мы начали эту статью, высказывания о которой сделал предметом своего изучения Филипп Буббайер, оказывается той высшей инстанцией, которая может отдавать распоряжения⁵². Вместо инстанции политической значимой оказывается высшая этическая инстанция, отчасти напоминающая традицию русской классики с пророками Пушкина и Лермонтова и с музой Ахматовой, диктовавшей еще Данту. Бесы и Дьявол, сообщающие, по Кормеру, правозащитникам их соблазны, оказываются схожим образом устроенной этической инстанцией.

Обоим этим этическим диктатам противостоит концепция Павла Литвинова, предложенная им в статье 1976 года: движение есть, а иерархии может не быть; права человека и есть та высшая инстанция, которая диктует людям, что и как должно делать, требует их подчинения, хоть ими же и создана. Борьбы за власть («грязной политики») не будет — но какие тогда прогнозы, насколько утопическими являются надежды на перемены, отнесенные далеко в будущее? Вспоминая о разговорах с Красиным середины 1960-х годов, Павел Литвинов говорил о надеждах «на успех нашего великого дела»; эта формула звучит непривычно, гораздо известнее тост «За успех нашего безнадежного дела!». Этот тост — и интерес к Кьеркегору, о котором вспоминает Литвинов⁵³, — можно понимать в связке с отказом от насилия и участия в политике, предполагающей насилие. Да, общество развивается — но, если отказаться от соблазна физических воздействий на него, экзистенциализм кажется актуален.

Библиография / References

[Алексеева 2012] — Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. 3-е изд., стер. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012.

(Alexeeva L.M. Istoriya inakomaysliya v SSSR: no-veyshiy period. 3rd ed., ster. Moscow, 2012.)

[Буббайер 2010] — Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2010.

(Boobbyer Ph. Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia. Moscow, 2010. — In Russ.)

52 См. большой корпус интервью с диссидентами о понятии «совесть»: [Boobbyer 2022].

53 Беседа О. Розенблум с Павлом Литвиновым 5 марта 2021 года.

- [Весье 2015] — *Весье С.* За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России / Пер. с фр. Е. Баевской, Н. Кисловой, Н. Мавлевич. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- (*Vaissié C.* Pour votre liberté et pour la nôtre. Le combat des dissidents de Russie. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Власть и оппозиция 1995] — Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Ред.: В.В. Журавлев, О.В. Волобуев и др. М.: РОССПЭН, 1995.
- (*Vlast' i oppozitsiya.* Rossijskiy politicheskiy protsess XX stoletiya / Ed. by V.V. Zhuravlev, O.V. Volobuev et al. Moscow, 1995.)
- [Кантор 2009] — *Кантор В.* Герой «случайного семейства» (о жизни и прозе Владимира Кормера) // Кормер В. Наследство. М.: Время, 2009. С. 5—47.
- (*Kantor V.* Geroy "sluchajnogo semejstva" (o zhizni i proze Vladimira Kormera) // Kormer V. Nasledstvo. Moscow, 2009. P. 5—47.)
- [Кулевиц 2009] — *Кулевиц Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху: Девять рассказов о неповиновении в СССР / Пер. с англ. С. Иванова. М.: АИРО-XXI, 2009.
- (*Kulavig E.* Dissent in the years of Khrushchev: Nine stories about disobedient Russians. Moscow, 2009. — In Russ.)
- [Лотман 1975] — *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацуро. Л.: Наука, 1975. С. 25—74.
- (*Lotman Yu.M.* Dekabrist v povsednevnoy zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psikhologicheskaya kategoriya) // Literaturnoe nasledie dekabristov / Ed. by V.G. Bazanov, V.E. Vazuro. Leningrad, 1975. P. 25—74.)
- [Магомедова 1995] — *Магомедова Д.М.* Две интерпретации пушкинского мифа о бесовстве: (Блок и Волошин) // Московский пушкинист: Ежегод. сб. Рос. АН ИМЛИ им. А.М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. С. 251—262.
- (*Magomedova D.M.* Dve interpretazii pushkinskogo mifa o besovstve: (Blok i Voloshin) // Moskovskiy pushkinist: Ezhegod. sb. Ros. AN IMLI im. A.M. Gor'kogo. Pushkin. komis. Moscow, 1995. P. 251—262.)
- [Макаров 2007] — *Макаров А.А.* Деятельность молодежной группы «Союз борьбы за дело революции»: Дипломная работа. М., 2007. (На правах рукописи.)
- (*Makarov A.A.* Deyatel'nost' molodezhnoy gruppy "Soyuz bor'by za delo revolyutsii": [Graduate thesis]. Moscow, 2007. (Script.))
- [Роговин 1993] — *Роговин В.З.* Власть и оппозиция. М.: Товарищество журнала «Театр», 1993.
- (*Rogovin V.Z.* Vlast' i oppozitsiya. Moscow, 1993.)
- [Розенблюм/Кукуй 2023] — Мемуары, не сверенные с архивом: 1970—1983 (Москва — Места вынужденного пребывания — Тарту) // «Быть тебе в каталожке...» Сборник к 80-летию Габриэля Суперфина / Сост. О. Розенблюм, И. Кукуй. Франкфурт-на-Майне: Esterum, 2023. С. 89—110.
- (*Memuary, ne sverennye s arhivom: 1970—1983 (Moskva — Mesta vynuzhdenного prebyvaniya — Tartu) // "Byt' tebe v katalozhke..." Sbornik k 80-letiyu Gabrielya Superfina / Ed. by O. Rosenblum, I. Kukuj. Frankfurt a.M.: Esterum, 2023. P. 89—110.*)
- [Уварова, Рогов 1998] — Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. И.П. Уварова, К.Ю. Рогов. М.; Венеция: Объединенное гуманитарное изд-во, 1998.
- (*Semidesyatye kak predmet istorii russkoy kultury / Ed. by I.P. Uvarova, K.Yu. Rogov. Moscow; Venice, 1998.*)
- [Boobbyer 2022] — *Boobbyer Ph.* Interviews on ethics, conscience and dissent in the USSR (Беседы об этике, совести и инакомыслии в СССР). [Data Collection] // University of Kent. Kent Data Repository. <http://doi.org/10.22024/UnikKent/01.01.471>.
- [Dmitriev 2021] — *Дмитриев А.Н.* «Наш Достоевский»: присвоение как саморазрушение // *Revue des études slaves.* 2021. Vol. 92. No. 3/4, Lectures de Dostoïevski. P. 487—505.
- (*Dmitriev A.N.* "Nash Dostoevskiy": prisvoenie kak samorazrushenie // *Revue des études slaves.* 2021. Vol. 92. No. 3/4, Lectures de Dostoïevski. P. 487—505.)
- [Fürst 2002] — *Fürst J.* Prisoners of the soviet self? Political Youth Opposition in Late Stalinism // *Europa-Asia studies.* 2002. Vol. 54. No. 3. P. 353—375.
- [Matsui 2015] — *Matsui Y.* Obshchestvennost' across Borders: Soviet Dissidents as a Hub of Transnational Agency // *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society.* 2015. P. 198—218.
- [Nathans 2011] — *Nathans B.* Soviet Rights-Talk in the Post-Stalin Era // *Human Rights in the Twentieth Century / Ed. by S.-L. Hoffmann.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. P. 166—190.
- [Opposition als Lebensform 2013] — *Opposition als Lebensform: Dissidenz in der DDR, der ČSSR und in Polen / Hrsg. von A. Plato, T. von Vilímek.* Berlin: Münster, 2013.